

товскую опасность, скорее всего, оправдать действия рыцарей. Об этом ясно свидетельствуют события следующего, 1208 г., когда Вячко попытался освободиться от рыцарей и, потерпев неудачу, сжег свой замок (XI, 8, 9). Следовательно, предполагать, что в интересующем нас отрывке, рассказывающем о событиях 1209 г., Генрих подразумевал латгалов Кокнесе, вряд ли можно.

В своем труде Генрих неоднократно указывает на особую миссию немцев по отношению к латгалам, жившим в бассейне Гауи (в области Имера и частично в Талаве). Эти латгалы якобы лучше, чем другие народы относились к тевтонам, были хорошего мнения о жизни христиан (X, 4), отказались помочь Владимиру Полоцкому в осаде крепости Гольм (X, 12). Латгалы Имеры, по словам Генриха, «надеялись на помощь и защиту» тевтонов, так как «литовцы часто их разоряли, ливы всегда притесняли» (XI, 7). Повышенный интерес Генриха к этим латгалам можно объяснить тем, что сам он был священником прихода в Имере, долго там жил, знал язык латгалов¹⁶. В сферу влияния его прихода входили, видимо, и жители северных районов Талавы (XII, 6). Генрих же был и первым католическим священником, крестившим жителей Талавы по просьбе сыновей старейшины области Галивалдиса, которые пожелали перейти «под покровительство епископа» и получать у тевтонов защиту «против эстов и литовцев» (XVIII, 3). Таким образом, Генрих стремился показать, что латгалы этих областей меньше, чем их соседи, были способны самостоятельно противостоять внешней опасности и «больше всех боялись» нападений литовцев. Отмечая, что латгалы Имеры и Талавы больше всего нуждались в помощи рыцарей и церкви, Генрих тем самым представляет более значимой и свою роль в их крещении и «спасении». Свои собственные заслуги в деле христианизации латышей и эстонцев не лишённый тщеславия хронист подчеркивает и в других местах хроники (XII, 6; XVI, 3; XVIII, 3; XXIV, 1, 2). Исходя из интересов и основного района деятельности автора хроники, можно предполагать, что в гл. 4 книги XIII имеются в виду именно латгалы Имеры и Талавы. На их территории находятся «villulae», о которых говорится в этой главе. Но в тех же областях, судя по хронике, были и деревни («villae») ¹⁷ Упоминание же в пределах названных областей как многодворных, так и малодворных поселений вполне соответствует приводимым выше выводам советских исследователей.

¹⁶ О личности Генриха подробно см. в предисловии к изданию хроники С. А. Аняинского, с. 13—27, также в предисловии к изданию Л. Арбузова и А. Бауэра, с. III—XVIII. А. Швабе приводит достаточно обоснованное мнение о том, что сам хронист происходил из местной латгальской знати (*Swäbe A. Latviešu Indrikis un viņa chronika*.— In: *Straumes un avoti*, 2 s. Rīgā, 1940, 137—186 lpp.).

¹⁷ Деревни в Талаве упоминаются также в акте о разделе области между Ордемом и рижским епископом в 1224 г. (*Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*, Bd I. Reval, 1853, N 74; далее — UB).